

ПРЕДИСЛОВИЕ

В томе Ш. 1 «Кембриджской истории древнего мира» описывался переход Греции от эпохи «темных веков», характеризующейся сокращением населения и относительной бедностью, к расцвету геометрической цивилизации. Первые экономические успехи и рост молодых городов-государств указывали им новые пределы для завоеваний и поселений, заставляли каждый город взирать с алчностью на процветание другого, а их правителей и народ — задумываться над безопасностью собственного богатства и над своим положением в новых сообществах архаической Греции. Том Ш. 3 исследует этот рост, его причины и ход, разногласия и неуверенные шаги на пути к политической стабильности.

В первой главе речь идет о тех отношениях с более древними цивилизациями Востока и Египта, которые открыли грекам глаза на материалы, технические приемы и торговые выгоды, ставшие им недоступными, после того как их цивилизация бронзового века испытала глубочайший коллапс. История возобновления связей с Востоком начинается в IX и VIII вв. до н. э.; но в VIII и VII вв. до н. э. греки обращаются к другим регионам Средиземноморья, и мы видим такое распространение греческих городов-государств по берегам и островам Средиземного, Мраморного и Черного морей, которое открыло новую эпоху в истории западной цивилизации.

Последствия этой экспансии, беспрецедентной с точки зрения географических масштабов, были разнообразны. Греки из выведивших колонии государств достигли значительного преуспевания, поскольку объемы морской торговли возрастали стремительно, а эти государства оставались основными экспортёрами людских ресурсов, оружия и готовой ремесленной продукции. Всё это особенно верно в отношении городов, расположенных вокруг Истма, куда капитаны благодаря господствующим в летние месяцы ветрам приводили свои суда как с запада — через южную Италию и Керкиру, так и с востока — либо через Халкидику и Евбею, либо от острова к острову через Эгейское море. Вновь основанные государства не были колониями в римском или британском смысле этого слова, но представляли собой независимые города-государства,

а граждане такого нового государства утрачивали гражданство своей родины в тот самый день, когда они садились на корабль, чтобы отплыть к новому месту жительства. С самого начала этот разрыв политических уз создавал многие преимущества. Новое государство, оказавшееся в необычных для материковой Греции обстоятельствах, должно было с самого начала встречать лицом к лицу и самостоятельно решать встававшие перед ним проблемы, которые не были объектом вмешательства со стороны правительства метрополии, мало разбиравшегося в местных условиях. Такое положение дел оказалось весьма успешным не только в смысле роста самих новых государств, но и по части способности этих последних основывать другие независимые поселения.

Поначалу новые государства были столь маленькими, что в появлении греков на прибрежных островах или на полуостровах местные племена не усматривали никакой угрозы для своей независимости. Более того, первые греческие переселенцы часто получали даже помощь от коренных жителей, а иногда на начальных стадиях объединяли с ними усилия для основания поселения. Но, прочно утвердившись на новом месте, греки начинали следить за тем, чтобы не происходило как расового, так и культурного смешения. В отличие от других колонизаторских народов, они так и не превратились в имперскую элиту в среде более многочисленного туземного народа, а поддерживали те же самые формы социальной, политической и культурной жизни, которые были характерны и для старой Греции. Одной из таких форм являлось рабство. В новых государствах рабами были аборигены, захваченные во время войн или купленные у работорговцев. Это приводило к усилению враждебности со стороны местных жителей, например в Сицилии, но и сами местные племена были разделены и испытывали подобные проблемы. Взаимодействие греческих государств и туземных племен давало наибольшую отдачу в деле обмена товарами и идеями, и именно греческая сторона внесла наибольший вклад в развитие того, чему в конечном итоге суждено было превратиться в эллинизированную цивилизацию.

Восточная Греция и острова Эгейского моря были лидерами в деле установления заморских контактов и основания новых колоний. Они висели от моря во многих отношениях: восточногреческие государства, вытянувшиеся вдоль побережья современной Турции словно нить с редко расположенными бусинами, торговали друг с другом по морю, большинство же островов могло поддерживать свое возрасставшее население, лишь импортируя продукты питания и сырье. Самые успешные государства лежали на морских путях вдоль побережья с каждой стороны Эгейского моря: Милет и Самос — на востоке, Халкида и Эретрия — на западе. Но даже и маленькие островные государства вовлекались во фрахтовое дело и объединялись для исследования новых территорий и выведения сюда поселений, особенно на северное побережье Эгейского бассейна. Из метрополий в восточной Греции Милет далеко превосходил всех своим значением и удерживал лидирующие позиции

в освоении Черного моря. В течение VI в. до н. э., когда города восточной Греции получили гораздо большие возможности для торговли с внутренними районами Азии и с Египтом, они достигли очень высокого уровня благосостояния и смогли создать самые крупные военно-морские силы, существовавшие тогда в греческих водах. Крит сохранял ключевые позиции на торговых путях с греческого материка в южное Средиземноморье и с Родоса на востоке на Киферу и Керкиру на западе, а его многочисленные города-государства в VII в. до н. э. испытали период расцвета. Их своеобразные законы и социальная структура представляют громадный интерес.

Материковой Греции повезло с точки зрения ее географического положения, поскольку она оказалась своего рода мостом между западной и восточной зонами эллинской экспансии. Сложился постоянно расширявшийся рынок не только для греческих товаров, но и для греческих колонистов, искателей приключений и наемников, искавших счастье за морем. Социальные и политические последствия экономической революции вначале становились очевидными в тех государствах старой Греции, которые были расположены ближе всего к Истму и подвергались влиянию новых форм богатства. Давно установившееся господство знатных родов, обладавших землей, разрушилось из-за разногласий внутри высшего эшелона общества, и эллинская склонность к политическим экспериментам и к политической борьбе получила в VI в. до н. э. полную свободу действий. Однако в других частях материковой Греции сохранялся традиционный жизненный уклад, а модификации происходили медленно. На севере племенные объединения входили в контакт с миром городов-государств, поскольку первые могли снабжать последних строевым лесом, древесиной, полезными ископаемыми и продуктами питания. Однако эти объединения сохраняли свои стародавние институты и удерживали европейскую границу грекоговорящих земель против подобных же племенных образований иллирийских и фракийских народов.

Экспансия и экономическое процветание не принесли мира в материковую Грецию. Честолюбие и жажда наживы вели к войнам между соседями, не в последнюю очередь на Истме между Мегарами и Коринфом и между Мегарами и Афинами. Вражда Аргоса и Спарты имела результатом одну войну вслед за другой, а чтобы усилить свои позиции, Спарта создала первую широкомасштабную военную коалицию городов-государств. Афины не имели первенствующего положения вплоть до конца VI в. до н. э., когда социальные и экономические реформы Солона были проведены в жизнь во многих отношениях благодаря тирану Писистрату. Коринфу больше чем кому-либо другому принадлежит честь первопроходца в деле организации военно-морской державы в своих домашних водах, а также в северо-западном регионе, где он основал большое количество новых сильных государств.

Последняя глава проливает свет на социальную, экономическую и материальную историю Греции этих лет — первого в греческой истории

периода, когда тексты могут рассказать нам не меньше, чем заступ археолога. Проблемы земельной собственности, рабства, развития узко специализированных ремесел в агрокультурном в своей основе обществе, последствия изобретения металлических денег — всё это является непосредственным фоном для традиционного исторического повествования о войнах, колониях и конституциях. История греческой мысли, религии и литературы как таковая здесь не исследуется, но в новом издании IV тома будет найдено место, чтобы отразить эту тему. Также нет никакой сводки истории искусства рассматриваемого здесь периода; вместо этого читатель найдет главу с информацией о вещественных источниках для того периода истории, событийная канва которого излагается в других главах, так как более полное представление о качестве жизни в Греции, которое мы теперь имеем, привносит непосредственность и живость в наше понимание истории этих времен. Для этой же цели предназначены изображения и комментарии к ним, помещенные в томе с иллюстрациями, который будет сопровождать новое издание тома III.

Издатели вновь выражают свою признательность Дэвиду Коксу из Cox Cartographic Ltd за карты, а также Мэрион Кокс за подготовку большого количества иллюстраций к главам 36–39, 41, 45b.

Индекс был составлен Дженни Моррис.

*Джон Бордман
Н.-Дж.-А. Хэммонд*